

Образы сущего. Доктрина этического максимализма, метафизика живого универсума

Автор:

Лев Чиворепла

Образы сущего. Доктрина этического максимализма, метафизика живого универсума

Лев Чиворепла

Автор пытается привлечь внимание читателя к проблемам генезиса жизни и материи, исходя из своей этической доктрины, и показать возможность построения метафизической теории, которая описывала бы мироустройство. Представленная в книге дуалистическая картина мира раскрывает сущность физических понятий импульса, энергии, пространства, времени и др. Основная идея книги: Этика – главный фактор, определяющий все процессы мира, его судьбы, структуры, формы.

Лев Чиворепла

Образы сущего. Доктрина этического максимализма, метафизика живого универсума

Издание седьмое, переработанное, дополненное

Лев Чиворепла.

Предисловие

В книге рассказывается об идеальном. В идеальное мы часто не верим, потому что не видим, как оно возможно. Но идеальное достойно того, чтобы постараться его найти. В частности, вопрос о происхождении материи напрямую связан с такими важнейшими проблемами, как смысл, основание науки, поведение социума. Избранная терминология затрудняет чтение книги, но соответствует содержанию (см. “Словарь терминов” в конце книги). После первого изучения материала она, надеюсь, не покажется совсем неудачной. Трактат, вероятно, можно отнести к философским сочинениям, но основные его понятия не отражаются в лаконичных формулах. Тем не менее, эти понятия постепенно раскрываются полностью.

Трактат состоит из двух частей. Первая часть (главы с 1 по 7) представляет собой этическую доктрину. Вторая часть (главы с 8 по 11), названная “метафизикой”, содержит теорию живого универсума. В ней идеи первой части конкретизируются в образах мироустройства – это конструктивная доктрина. Беглый взгляд на содержание книги показывает, что автор, вероятно, претендует на “теорию всего”. Но у меня не было такой цели. Да и невозможно охватить все. Однако стремление к полноте и целостности материала обернулось кажущимся многообразием обсуждаемых тем. На самом деле, тема одна – этическое устройство мира.

Книга не содержит практических советов. Свою задачу я видел в том, чтобы описать мироустройство, и это, как я полагаю, достаточно, чтобы разумный человек сам определил свое поведение.

Книга создавалась долго и напряженно. В ней есть и простые мелодии, и сложные, порой мистического звучания разработки. Ее никак нельзя отнести к разряду общедоступных. Некоторые этажи ее здания обрели лишь стены, а роль многих деталей видна не сразу. Не обещаю легкой прогулки, но обещаю важные встречи.

Данный текст является переработанным и дополненным вариантом книги “Образы сущего”, вышедшей в ряде издательств за период 1993–2014 гг.

Различие вариантов отражает эволюцию мировоззрения автора и процесс становления “метафизики”. Фрагменты книги опубликованы в электронных журналах сети Интернет. Доклады по ее содержанию обсуждались на ряде семинаров.

Я бесконечно благодарен жене Зинаиде за долготерпение, понимание и помощь. Многие проблемы мы вместе обсуждали, прежде чем они попали на страницы книги.

Часть первая

Доктрина этического максимализма

Глава 1

Основные послылки

1.1. Две логики

1.1.1. Этическая логика

Словосочетание “этическая логика” может вызвать возражение – логика есть логика, а прилагательное “этическая” излишне. Однако логика содержит в себе метод, продвигающий мышление к поставленной цели. В данном случае мы также имеем дело с методом, инструментом познания мира. Этическая логика является высшей логикой сознания. Она элитарна, и прогресс человеческой культуры напрямую связан с успехом в ее применении. Принятие ее есть

главный мировоззренческий выбор индивида.

Помню, в школе, решая задачи, я заглядывал в конец задачника, чтобы увидеть ответ и подогнать под него решение. В этической логике происходит нечто подобное. Нам даны ответы, и многие умозаключения мы выводим из них. Действуя интуитивно, мы порой ошибаемся в деталях. Однако проходит время, детали изменяются, а ответы – все те же, но уже основательно подкрепленные рациональной дискурсией.

Желание счастья – главное желание человека. Все остальное – суэта и вибрации идей. Моя убежденность в правоте основана на ощущении этической реальности. Мне совершенно безразлично, как Бог сотворил мир. Это тайна для всех, и может быть, – для Него. Важно, что я счастлив только с Ним – это постулат этического видения мира. Этическая логика ставит нравственный итог жизни несравненно выше материального. Она верна, если цель, действительно, этична. Но нет формулы нравственного деяния. В поступке важны внутренние мотивы. Этическая логика не раскрывает механизмы подчинения добродетели; добро не требует объяснений. Объяснять нужно страх и грех.

Этическая логика во многом парадоксальна с точки зрения рации. Она, в частности, оперирует категорией ценности, которая не имеет адекватного отражения в количестве. В физике тяжелое перевешивает, сильное перетягивает, быстрое обгоняет и т. д. В этике это совсем не обязательно. Одна овца может отвлечь внимание от стада. Даже в сравнении с бесконечностью конечное не теряется, но становится заботой бесконечности, ибо в этической реальности действуют личности, а не просто законы материального мира. Казалось бы, что там капля отпавшего видимого мира перед Океаном необозримого Мирового Ресурса? Что один малый грех в бесконечной длительности жизни личности? Но именно вокруг этой “мелочи” закручены все страсти мира. Высшее настолько чисто и прекрасно, что не терпит малейшей грязи – мера такой нетерпимости есть мера совершенства. Такое удивительное свойство этической реальности сочетается с уникальностью, оригинальностью личностного представления единого. Совершенство оригинально, и всякая царапина, всякая пошлость уничтожает его.

Этическая логика опирается на знание глубинных мировых ценностей, поэтому это логика отбора постулатов. Она помогает интуиции и не позволяет измельчить поток мысли в песке самодостаточных идей. Она антропна и без детального разбора дает оценку гипотезам. В этом, пожалуй, ее главное

достоинство. Как хороший инженер, отвергающий проекты на основе вечного двигателя, она не дает разыгаться фантазмагии. Возьмем, к примеру, идею многомерного пространства, которая предлагается для объяснения паранормальных явлений. В гипотезе есть трудности технические – все объекты материального мира трехмерны, хотя пространство полагается многомерным (более 3-х измерений). Приходится предполагать лабиринтную вложенность трехмерности в многомерность. Но важнее другое: Бог как бы сделал человека муравьем, ползающим по плоскости, не знающим всего объема. Здесь трудность не познавательная, а сущностная. Человек всего не знает, но многомерность – свидетельство априорной ущербности, “муравьиности” разума. Я не понимаю, как можно в игре пространств увидеть духовное подвижничество. Мир – это дом разума, а не лабиринт. Он сделан по-доброму. А кажущаяся паранормальность имеет иные причины. Другой пример: субстанциональная модель созидания, предлагающая объяснение животворящих процессов наличием в мире особой силы (“энтелехии”), направляющей все материальные превращения. В этой модели обезличивается истинный источник созидания – разум.

Выбор постулатов большинства научных парадигм осуществляется, к сожалению, вне этической логики. Если в основании модели лежат этические критерии, она не бывает абсолютно неверной. Этическая логика особенно продуктивна в поведении, в поступках. Она обостряет внутреннее зрение. Этический путь никогда не ведет в тупик; идущий по нему не испытывает разочарований. Одухотворенные люди много умеют, и никому в голову не придет сомневаться в их знании, если они и не знают техники исчисления интегралов.

Этическая логика теистична. Она опирается на нравственный закон, который первичен и осуществим только в личностях. Всеобщность нравственного закона обусловлена и гарантирована Абсолютом. Этическая логика опирается на этическую чуткость и крайнюю идеализацию, т. е. на этический максимализм, суть которого в том, что Творец Благ, а все остальное посредственно и не имеет долгой жизни. Никто не может быть судьей человеку. Только Бог. Для прикосновения к тайнам невидимого мира нужно иметь большой запас нравственной надежности. Этическая логика не позволяет его растратить.

1.1.2. Рациональная логика

Рациональная логика – это логика вывода. В отличие от этической, она не критична к постулированию и вступает в действие после постулирования. Это логика робота: вход – не ее дело, ее дело преобразование. Она следит за “строгостью” и последовательностью процедур вывода, опираясь на общепринятые каноны вывода. В противоположность роботу, центральное место в мышлении занимает отбор постулатов. Явно или неявно, такой отбор происходит всегда.

В теме рационального мышления следует отличать проблему единственности рационального метода от конструирования процедур вывода. Что касается метода, то он основан на (1) универсализме мировых смыслов и (2) универсализме гностической последовательности их. Об этом разговор будет в главе 4. “Смысл”. Если бы не существовало указанного универсализма, взаимопонимание индивидов было бы невозможно. Но есть другая проблема: Поскольку рациональный метод стремится к вербализации знаний, возникает желание формализовать его. Увы, здесь мы не находим надежной базы выбора. Аксиомы произвольны, формальны, модельны. Стремясь к строгости, рациональное мышление пытается постулировать свои свойства. Но оно попадает в заколдованный круг металогики: оно ищет и не находит самовоспроизводящегося робота.

Все мы интуитивно знаем, что существует возможность договориться, понять друг друга, что есть универсальные основы взаимопонимания, и мы пользуемся ими в общении. Не все, однако, отдают себе отчет в том, что эти основы этические, а не формалистические. Находя общий язык в житейской ситуации, мы, тем не менее, резко дистанцируемся при определении своих идейных позиций. Почему же рациональное мышление не объединяет, а разъединяет людей? Причина в том, что универсальные гностические смыслы в своем движении обнаруживаются лишь в одеянии энергетики любви. Поскольку рациональная любовь игнорирует, ему остается лишь здравый скепсис.

Итак, два обстоятельства характеризуют рационализм мышления: (1) чрезмерная свобода в манипулировании постулатами; (2) убежденность в высокой надежности (даже единственности) формальной логики рационального вывода. Это способствует становлению культуры свободных допущений, которая характеризуется различными словами: культура технической интеллигентности, технократическая, точного математического мышления, демагогического педантизма и т. д. Она образовала костяк эпохи просветительства, постепенно вытеснивший мягкую плоть духовной метафизики. В творчестве победила точка

зрения, что знание поведения природы содержится в математике ее законов, что смыслы мира не нужно искать, их просто нет, а нужно подбирать, создавать хорошие модели поведения, т. е. смыслы следует привносить. Большое внимание стало уделяться формальным процедурам. Родственная этому болезнь – поверхностное восприятие произведений культуры. Человек считает себя осведомленным, если ему известна фабула, общая идея. Он сопротивляется всему, что требует переживания, этического переосмысления. Ему некогда.

Мир рации есть оторванное от Истока бытие. Недаром нормальной реакцией физика становится интерес к лирике. От душного сленга рации он тянется к свежему языку сердечного общения.

Опасна, однако, и другая крайность – догматичность, бездоказательность, декларативность концептуальных положений при полном игнорировании как этической, так и рациональной логики. Многие положения метафизики обретают свою убедительность только тогда, когда они связаны крепкой нитью логического следования.

1.1.3. Две реальности

Существуют две реальности – рациональная и этическая. Их главные отличия:

1. Реальность рациональная:

- ее объекты поддаются точному описанию и алгоритмическому моделированию, имеют конечную сложность;
- рациональная реальность является предметом научного исследования;
- рациональная логика – это логика вывода;
- логика вывода не имеет формальной опоры внутри себя самой, ибо не существует рационального понятия (рационального объекта) “строгий логический вывод”;

- рациональное знание опирается на эксперимент и рациональную логику;
- рациональное знание неисчерпаемо.

2. Реальность этическая:

- ее объекты известны, не материальны, не поддаются точному описанию, имеют бесконечную сложность;
- этическая логика должна быть главным инструментом выбора;
- она имеет опору в логике этического максимализма;
- она предполагает наличие априорных смыслов;
- этическое знание опирается на этический опыт и этическую логику;
- оно переживается этически и имеет предел – понимание этического поведения множеств разумных монад мира.

Разногласия в рациональной сфере внутри самой этой сферы неразрешимы. Расхождения в этической области имеют потенцию полного разрешения, ибо согласие – это притягательная компонента полюса этического максимализма. В жизни мы наблюдаем большое количество религий, идеологий. Почему же логика этического максимализма не обеспечила человечеству единственность мировоззрения? Потому что этический максимализм не является первостепенным требованием для идеологий. Рядом с этикой живут политика, традиции, конфессиональная самость, религиозная исключительность, магизм и многое другое.

Этический максимализм выразим в переживании, но невыразим в формулировках. И это, пожалуй, главная причина разнообразия последних. Иногда противоречия в рациональной сфере переходят в этическую, где прекращаются споры, но это не устраняет противоречия.

Опору излагаемой в трактате этики я вижу в очевидном факте: искреннее желание добра ближнему максимально (предельно) по сути.

1.1.4. Еще об этической реальности

1. Этическое мышление конкретно, здраворассудочно. Его предметы единственны, неповторимы. Для него рациональное как бы не существует и представляется игрой воображения, а рациональная свобода лишена содержания.

2. Признание бытия этической реальности – нечто более сильное, нежели признание существования этических и идеальных факторов в мире. Этическая реальность – это не качество или степень совершенства; это объекты. Объектами этической реальности являются, в частности, любовь, совесть, личность. Они не выводимы и не конструируемы из чего-либо первичного. Они первичны. Для рационального мышления этическая реальность отсутствует или кажется реальностью несвободы.

3. Переход к бесконечности в рацию есть выход за пределы рацию. Предел, скорее всего, есть объект этической реальности. Таковым является бесконечная сложность. Все этические объекты являются бесконечно сложными и не постижимы рациональным мышлением.

4. Творческое начало мира принадлежит этической реальности. Она порождает объекты мира, она же раскрывает истинное содержание их. По этой причине успех есть этическая победа. Все раскрывается в любви.

5. Познание осуществляется через сопереживание. Проникновение в суть простого арифметического действия – акт этический (дважды два четыре – это хорошо!). Память реализована как память переживаний.

Превосходство этической реальности над рациональной обуславливает надежность вселенной.

1.1.5. Мировая асимметрия и сложность

В материальном мире имеет место принцип симметрии, которому в философии соответствует диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Этот закон можно разложить на две составляющие: (1) Всякому началу соответствует противоположное начало. (2) Действие имеет противодействие. Первую составляющую назовем потенциальной противоположностью, вторую – актуальной. Наличие второй опирается на существование первой, но существование первой не обязательно в реальности обуславливает вторую, которой, собственно и соответствует термин “борьба”. Потенция борьбы не означает ее реальное наличие.

Существует очень важный феномен, предотвращающий трансформацию потенциальной противоположности в актуальную, – сложность. Чем “умнее” объект, тем меньше ему приходится бороться (“умный гору обойдет”). Собственно говоря, только это обстоятельство и заставляет природу усложняться. Метафизическая доктрина признает существование начала, обладающего бесконечной сложностью, которое по большей части исключает борьбу как способ существования. Наблюдаемый нами материальный мир является в плане оценки сложности ничтожно малой частью всего мироздания (мирового сознания), следовательно, можно полагать, что мир стоит не на борьбе, а на взаимоучете противоположностей. Далее будет развит тезис о том, что любовь – это внутренняя дисциплина мироздания, обеспечивающая ему максимальную бытийность. Зло же – это актуализированная в жизни разума деятельная противоположность, потенция которой, в основном, подавлена высочайшей самоорганизованностью Мирового

Разума. Любовь доминирует во вселенной. В этом смысле мир асимметричен. Если бы симметрия всех мировых начал была бы реально осуществлена в действии, мир не существовал бы. (Асимметрия, кстати, пребывает в физике большого взрыва.)

Вероятно, усложнение можно интерпретировать, как перенос противоположностей внешних действий во внутренние, но тогда мы должны констатировать асимметрию внутреннего и внешнего. В Мире Разума все является только внутренним. В этом и заключается его целостность.

Замечание

То, в чем я ищу согласие читателя, заключено в двух положениях:

- С возрастанием сложности объект начинает проявлять черты адаптации, свойственные поведению живого организма. Иначе говоря, высокая адаптивная сложность – не только необходимое, но и достаточное качество жизни.
- Мир бесконечно сложен в каждой своей атомарной ячейке, мир суть живой универсум.

1.1.6. Знать и уметь

Человек выделяется из природы тем, что он не только умеет, но и объясняет свое умение. Объяснение, порой, важнее умения. Но можно все знать и быть несчастным. Можно многое уметь и не знать истины. Бывает разное знание, разные основания и мотивы его применения. Я говорю об этическом основании.

Для того чтобы привести в движение популяцию разума, требуется не рациональное знание, а любовь, обращенная к сердцам людей. Академик знает, проповедник умеет. Умение такого рода творит вселенную. Оно в основе бытия, и одними законами объяснить вселенную невозможно. Для “знатока” эффект, творимый любовью, кажется парадоксальным, случайным, обидно дармовым, необъяснимым. Он не понимает, как одно лишь этическое состояние перемещает миры, как любовь рождает разум. Может, с позиции академика Бога нет. Но с позиции Бога многие наши старательно выстроенные системы – труха. Слепота – это незнание. Незнание стремится к знанию. Слепота рождает знание магии превращений, но вовсе не умение в положительном деянии, ибо нет иного положительного деяния, нежели добродейание.

Существует образное описание непознанного в виде бесконечной плоскости, на которой знанию отведен круг с человеком в центре. Но это совершенно непродуктивный образ. Зачем бесконечное знание? А что есть знание? Все прекрасное просто. Знание – это пережитое, точнее сопережитое. Но кто из нас по-настоящему использует знание? Мы ни одну мысль не проследили до конца,

так как перемещаемся не по логике миропорядка, а по собственной судьбе, движимой желаниями. Не было бы желаний, не было бы “знаний”. Было бы чистое слияние с идеалом божественного. Была бы та несвобода крайности, которая и есть Абсолютное содеянное и Абсолютное еще не содеянное. Мы бы творили творением Его. Мы бы умели. А умея, – только любили. Однако, мы хотим уметь, зная, но не любя. Мы хотим уметь, чтобы иметь. Мы и умеем, не зная правды. Мы и имеем пошлость, т. е. пустоту, хотя нам дано все. Самодовлеющая страсть к рациональному знанию – знак потери истины, знак утраченного благоговения.

Человек – аристократ знания. Но главное знание – знание, помогающее жить нравственно. В будущем умение перейдет к роботам, и основным занятием человека останется толкование, объяснение происходящего. Человека далеко не всегда надо учить, что и как делать; чаще всего ему следует объяснить, как устроен мир, какова реальность, и он сам решит, “что и как”. А истина нравственна. С учетом этого будут выстроены все учения разума, и нравственное начало в них будет главным.

Там, где появляется бесконечность, кончается рациональная реальность. Ее замещает реальность этическая. Этическое умение есть уместность, и гнозис с любовью являются лишь в уместном познании.

1.2. Бог и свобода

Несмотря на то, что в этой книге часто встречается слово Бог, я адресую ее и верующим, и неверующим. Сам я верующий, но вера моя ограничена признанием первичности Мирового Сознания. Нравственные моменты жизни я связываю с Живым Образом Абсолюта, и все рассуждения мои о Боге имеют этический характер.

Во второй части книги (в “Метафизике”) я пользуюсь понятием “супервизор”, выделяя определенные свойства Абсолюта. Там есть конструктивная модель живого универсума.

1.2.1. Религия и наука

В принципе, религия и наука несопоставимы, поскольку это объекты разной природы: религия – мировоззрение, наука – вид деятельности, в которой участвуют люди разных мировоззрений. Но есть точки соприкосновения этих объектов, где им приходится защищать друг от друга свои позиции.

В наше время всеобщего естественнонаучного образования, когда умы с увлечением и страстью отдались служению математике, физике, биологии и т. д., когда достижения в этих областях позволили избавиться от голода, холода, болезней, невозможно, казалось бы, искренне поверить в нечто, игнорируя авторитет науки. Мешает одно принципиальное расхождение между наукой и религией. Оно касается бытия невидимого мира. Религия предполагает существование невидимого. Но это совершенно не подтверждено наукой. Задача постижения его (невидимого) для образованного человека много сложнее, чем для мало осведомленного. Ему нужно гораздо больше “концов свести друг с другом” для воссоздания цельного мироощущения, – без учета научной аргументации этическое воззрение теряет для него полноту убедительности.

История знает значительный период слитного жития религии и науки. Но с 17–18 веков, с приходом технологической эры произошел раскол. Эпоха просвещения, начав с крушения закоренелых церковных условностей, завершилась трагедией бездуховности 20-го столетия. В новое время религия, сохраняя принципиальные позиции, должна проявить гибкость в интерпретации своих догматов. Тайное ждет иных образов.

Групповое этическое движение начинается и строится на базе корпоративных истин. Ему так легче развиваться, ибо правда его защищается и подтверждается непосредственным сопереживанием. На каком-то этапе развития, в целях консолидации растущего числа последователей, возникает необходимость канонизации движения. Появляются постулаты веры – догматическая опора, а с ней – религиозная идеологическая система, развивающаяся по законам, свойственным ее организму. Она расцветает, будучи затем обреченной на медленное окостенение и смерть. В основании религиозных канонов пребывают Писания, непреходящая, ничем не уменьшаемая ценность которых заключена в этической составляющей. Имеется, однако, и сценическая, рациональная часть, которая отражает познание людьми, принимавшими участие в процессе становления Писаний. Опасной является попытка интерпретации Писаний в узко

групповых целях. Происходит подмена истины: цель защиты традиции выходит на передний план.

Наука, несомненно, оказывает воздействие на религию, но она не “уничтожает” ее, а способствует трансформации. Есть два аспекта этого воздействия: рациональный и этический. Первый очевиден: разоблачение невежества всегда способствует культуре и глубине миропонимания (нужно видеть процессы там, где привиделись демоны). Однако один этот факт не способен оказать решающее влияние на религиозное творчество. Ведь в мире неисчерпаемой тайны сфера научного знания всегда остается бесконечно малой, а человек, несмотря на это, прекрасно ориентируется и способен жить счастливо. Нет, главную роль здесь играет второй аспект. Он, в целом, обусловлен тем обстоятельством, что истина невозможна без любви. А любовь рождает религию. Наука, не столько предметом своим, сколько пытливым трудом, дает импульс к нравственному восхождению в познании, тут ее главное содружество с религией. Искренний ученый – максималист, и его максимализм неизбежно проникает в сферу этической реальности. Лишь максималисты двигают прогресс.

Труженик науки знаком с эффектом обживания. Предмет, вначале казавшийся очень сложным, после определенного изучения и освоения становится привычным, простым. Путь в науке содержит бесчисленное множество вдохновенных взлетов и привыкания к новому. Последнее возвращает к обыденному, опустошает душу и накапливает разочарование. Новое становится будничным, чтобы вновь показать цену вечного нравственного. Лишь кичливость гордится малым возвышением ничтожного знания над поверхностью еще более ничтожного. Ищущий созревает до необходимости внимательно осмотреться и прислушаться к жизни. Он постигает религиозную истину через призму структурированного мышления.

Научное мышление воспитывает дерзкое чувство потенциальной разрешимости проблемы. Если, скажем, сложный биохимический процесс изучен лишь качественно, есть уверенность, что рано или поздно он будет досконально понят в деталях. Ясно, что в основе лежат фундаментальные физико-химические законы. Но чем длиннее путь размышлений, прочнее опыт поиска, тем явственнее и категоричнее заявляет о себе иное чувство, далеко не свойственное духу победного шествия разума. Исследователь обнаруживает, что ни на шаг не приблизился к пониманию таких реальностей, как Воля, Страх, Любовь, Совесть, Долг. Более того, он осознает, что никогда и никто научным

методом их не постигнет. А между тем, их-то и хотелось бы главным образом постичь. Ученый обретает способность осязать четкую грань между двумя реальностями и силой гнозиса усовершенствовать свое нравственное чувство. Вот главный положительный итог его труда. Ведь, говоря языком математики, система постулатов его оказалась не полной. Открытие это не всегда приводит к Абсолюту. Часто оно разрешается агностицизмом разной формы и содержания. Если двигателем познания не является любовь, то верховодит логика, для которой нет добра и зла. Безопорное, диффузное сознание – одна из форм болезни духа, дисгармонии личности.

Замечание

Безопорность в мышлении – это неспособность индивида опираться на собственные императивы (которые и образуют основу его мировоззрения). Безопорность, таким образом, – это болезнь. Она чаще всего посещает человека с хорошо развитым рациональным логическим мышлением (“человека-робота”). Мышление состоит из чередования двух операций – выбора и вывода (выбор дороги и движение). Выбор осуществляется на основе этической логики. Безопорность – это расхлябанность в выборе пути, в попытке заменить выбор выводом. Это вседозволенность (диффузность) и легковесность суждений, это разрыв между постулатами поведения и постулатами в мышлении, это крайний субъективизм.

Как правило, субъективист не отрицает внешнее (вне его сознания) бытие, но он отрицает значимость для себя этого бытия. Для него значимы его собственные переживания, они-то и представляют собой реальность. А поскольку переживания разных людей разные, то реальность признается разной. Отрицание значимости мира и есть безопорность, сочетающаяся, порой, с агностицизмом. В частности, не существенным оказывается вопрос “есть ли Бог?”

Мышление проникает в область веры. С расширением сферы применения рациональной логики ослабляется вера, но обостряется потребность в этической логике. Выбрать и поверить – разные психологические переживания, но постулаты этического выбора зачастую оказываются близкими постулатам веры. Опора на этическую логику делает мышление этическим.

1.2.2. Диалог о ценностях

Автор: Надежда – милосердная сестра страданий. На кого нам надеяться? – вот первый вопрос, который мы хотим для себя решить: на Бога, на начальство, на близких, на себя или устойчивость законов природы? Сколько же здесь вариаций мнений, предположений, убеждений! Но ведь прежде, чем понять, “на кого надеяться?” – необходимо решить раз и навсегда: чего мы хотим? Однако мы не желаем решать для себя проблему ценностей! Мы ее отдаем на откуп большинства, морали, традиций. Проблема ценностей важна и не замечается нами. Представления о ценностях защищены подсознанием; прикосновение к ним очень чувствительно, болезненно. Смена ценностных приоритетов сопряжена с усвоением новых смыслов. Отталкиваясь от них, индивид формирует мотивы поступков и совершает главные дела своей жизни, в том числе, религиозный выбор.

Собеседник: Вероятно, основное влияние на этот выбор все же оказывает осознание реальности.

А: Здесь-то и прячется основная коллизия отношений истины и ценностей. Для того чтобы определиться с реальностью, необходимо прежде определиться с ценностями. Ибо проверка истины осуществляется практикой, а значимость области практики определяется ценностями.

С: Многим область научной практики кажется исчерпывающей для истины. Они говорят: “наука явно указывает на отсутствие Бога в области уже познанных явлений природы и на возможность его отсутствия в еще не познанных, но принципиально доступных к познанию областях”. Вероятно, они считают, что наукой можно охватить все, а если что невозможно, это несущественно для решения вопроса о бытии Бога.

А: То, что невозможно охватить наукой – есть самое сложное, самое важное, наконец, самое ценное. Наука, например, никогда не ответит на вопрос “как возникли законы природы?” Этот вопрос далеко не праздный, с ним связана важная этическая составляющая нашего мировоззрения. Нынешняя наука вообще не занимается исследованием роли этического фактора в основании мира. Практика науки не указывает на отсутствие Бога, она лишь показывает возможность обойтись в своей области без гипотезы Бога, и она срезает эту

гипотезу “бритвой Оккама”, что для науки вполне естественно и даже необходимо. Ведь она создает алгоритмы.

С: А что дала религия с ее ценностями за свою многовековую историю?

А: Не следует подменять вопрос о мировой реальности вопросом “что дала религия?”, и не нужно в этот разговор сразу вплетать свою модель веры типа “если бы был Бог, он бы этого не допустил”. Представление о первичности сознания порождает большое множество религиозных концепций, но это не свидетельствует о ложности самого представления.

Эволюция ценностей протекает значительно медленнее процесса созидания картины мира. Как бы ни было совершенно построение логики, оно не скоро пропитает душу индивида. Разочарование в старых ценностях, порой, приходит с отчаянием, болью, страданием. Нужно время.

С: Не только время, но и поддержка окружения. Трудно обрести веру, если она противоречит убеждению большинства.

А: В этом парадокс и трагедия мира. Ценности его – стоимостные, обменные, товарные. Реальность, конструируемая общественным сознанием, – камерная, замкнутая на материальных превращениях.

С: С этим ничего не поделаешь. Ведь главной жизненной потребностью человека является желание оставаться членом общества, быть ячейкой, хоть и безумного, но мира людей.

А: Мы не всегда должным образом оцениваем роль одного “воина в поле”. Волны добра и разума воздействуют на окружение не интенсивностью, а самим своим присутствием. Ценности мира сами не меняются, они имеют исток, и таковым являются конкретные индивиды. Ценности человека сильно связаны с его смысловым багажом, но об этом пишу отдельно.

1.2.3. Теодицея

Все, что возникло в рациональном созидании, познаваемо. Более того, если мы полагаем, что объект рационально познаваем, то признаем его творение в рациональных процедурах. Наоборот, все, сотворенное Богом, рационально непознаваемо, но познаваемо этически. Теодицея относится к догматическому основанию религии и напрямую связана с проблемой творения. Мы должны понимать Творца – в этом основной смысл теодицеи. В мире много зла и страданий, но Бог к ним не имеет отношения.

Можно говорить о двух типах религиозного откровения – об интуитивном и рассудочном. Первое мало зависит от догматов, и яркие представители его находят сочувствие и почитание в разных религиях. Теодицея же – элемент веры, в которой этической логике отводится важная роль. Непротиворечивое стройное представление об этическом аспекте мироустройства – важнейший фундамент религиозной доктрины.

Все это имеет прямое отношение к генезису материи. Если представить себе, что материя боготварна, то именно здесь мы обнаружим трудность в понимании этического смысла и цели Всеблагого. Мне пришлось слышать такое: “нам не дано знать Божий Промысел”. Но в таком случае проблема теодицеи отпадает, как ненужная.

Может, действительно, не нужно заниматься “объяснением действий Бога”? Большинству из нас это не кажется необходимым. Мы, либо не думаем о Нем, либо слепо доверяем: Бог есть Бог, “объяснять” Его бессмысленно. Но Сам Бог требует, чтобы мы поняли и “объяснили” Его. Такова нравственная логика. Если бы мы посмели думать, что Ему это не нужно, мы, следовательно, посмели бы думать, что Он нас не любит. Любовь и справедливость, ответственность и раскаяние, доверие и ожидание – все соединилось в сердце абсолютного Истока. У Бога нет тайн перед свободными сознательными личностями. А слепо верующий и непонимающий Его деяния – ненадежен. Бог живет по нравственному закону, данному миру, – это центральная мысль теодицеи.

Есть, однако, смыслы, познание которых приходит на определенном этапе восхождения, и теодицея относится к ним.

В классической психологии личностью называют то, что я полагаю индивидуальностью (психическим телом), а в теософии и оккультизме индивидуальностью называют то, что я полагаю личностью. Мое определение основано на библейской традиции. Личностное начало суть нравственное

начало. Не все разделяют убеждение в первичности феномена личности. Мешает представление о ее составной сложности. Но личность не просто сложна, а бесконечно сложна, и это является фактором ее первичности, атомарности.

Вот основные свойства личности:

бессмертность;

бесконечная сложность;

ценность;

уникальность;

Личность неизменяема в плане Замысла Творца, но способна к греху и искуплению. Личность выражается только через свое конкретное воплощение, и никакой рациональный признак не помогает понять ее суть. Мое понимание личности, как я сказал, идет от библейского, однако, содержит одно существенное отличие. В религии “божья искра” – это тварный дух, через который устанавливается связь индивида с Богом. У меня же основание личности нетварно и образовано соприсутствием Бога в личности. Никакие другие объекты мира таким свойством не обладают.

Имеет смысл определиться вот с чем:

1. Не существует никаких рациональных предпосылок, на основе которых можно строить догадки о сущности феномена личности.
2. Никакое конечное, пусть очень большое, множество материальных “чипов” (например, нейронов) не объективируют личность. В частности, не моделируемой является разумная функция восприятия и комментирования мировых смыслов.
3. Никакое общественное сознание, никакое множество личностей не превосходит личность.

4. Личности не являются “винтиками”, не ведающими цели развития мира. Личности – суть ответственные и осведомленные деятели этого развития.

5. Вселенная в целом имеет глобальное направленное развитие, и личности реализуют это движение.

Долгое время я придерживался убеждения, что Бог – это личность. Но представление о личности усложнилось, личность обрела составную структуру. Бог же – это абсолютно неразложимая сущность. Несмотря на обладание важнейшими свойствами личности, Сам Он личностью не является. В дальнейшем (в главах “Метафизики”), я вместо термина “Бог”, использую термин “супервизор”. (См. разделы 8.2. “Ресурс”, 9.4. “Личность”).

1.2.5. Бог и всеведение

Во многих религиях (пожалуй, в большинстве) почему-то принято приписывать Абсолюту все качества в максимальном их значении. Будто крайность является атрибутом совершенства. А ведь крайности “человечны”. Я полагаю, есть лишь один максимализм, который истинно Ему присущ – этический. Все остальные излишни, не нужны самой религии, а, главное, – не истинны.

К ним относится всеведение. Знание наперед поведения каждого человека противоречит этическому максимализму. Ведь Божье Мнение истинно ценно для человека, когда оно онтологично. И мы боимся его лишиться. Мы знаем, что Бог нас любит, но мы хотим Его Признания. Как же можно мыслить о Божьем Мнении, если Он знает все наперед? А если Он Свое Мнение связывает с нашими поступками, какое значение имеет Его предвидение?

Вот пример из Библии, опровергающий тезис Божьего всеведения (Бытие 6:6): “И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их”. Или вот: (Щар.15:35) “... но печалился Самуил о Сауле, потому что Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем.” (Этим и другим местам Библии теологи дают специальные трактовки, защищающие тезис о всеведении Бога.)

В библейских религиях положение о всеведении глубинным образом связано с феноменом боготварности материи мира. Наблюдаемая материя далека от райской, ее беспощадные законы обуславливают мучения плоти. Если Бог и сотворил ее, Он остается вовне, отстраненным от нее. За фасадом наблюдаемой реальности пребывает идеальное трансцендентное начало, влияющее на воспринимаемую действительность, включающую наблюдаемые пространство и время. Идеальное, таким образом, не отождествляясь с реальным, сохраняет чистоту, пребывает над реальным.

Отсюда делается вывод, что идеальное якобы знает все коллизии реального, что свобода тварного мира – есть внутреннее переживание мира, что Богу известно все наперед – выберет ли зло или добро конкретный человек в конкретной ситуации, ибо “конкретный человек” – это человек, уже сотворенный, не имеющий свободы абсолютного соприсутствия Творца. Такая религиозная идея не позволяет в полной мере оперировать понятиями “Божье мнение”, “Божье огорчение”, “Божья радость”. Существуют и усложненные представления о двойственности человека, включающие понятия “благодать”, “второе рождение”, где человек, приобщаясь к Богу, как бы приобретает иную сущность. Но трудно сказать, не предвидит ли Бог такое преобразование в момент творения личности.

Способность рождать не исключает таинственность акта рождения для родителя. Творчество подчинено замыслу, однако плод любви наследует качества творца, которые представляют тайну для него самого. Творчество тогда и только тогда радует душу творца, когда оно являет нечто, оставляющее тайну для него самого! Только тайну можно любить (и ненавидеть), а Бог – это Любовь. Так творить, как Он, не может никто. Этого ли недостаточно для нас и нашей веры?

Замечание 1

Нетрудно предсказать выбор в поступке праведника и злодея. Но трудно предсказать грехопадение праведника и добродетель злодея.

Замечание 2

Есть некорректность в использовании понятия “творить не из себя – из ничего”. Если создатель воплощает свою идею, он уже творит “из себя”. Он переносит на свой продукт часть своей сложности, создавая объект. Если он не воплощает свою идею, если объект возникает сам по себе, нет оснований говорить о творении. Творение “не из себя” по сути невозможно.

Замечание 3

Ничего не меняет тот факт, что мы для Бога якобы твари, а не дети. Если так, то мы не просто твари, но самые совершенные его создания. Даже дети могут быть плохими, но плохое совершенство невозможно. Нам дана свобода и способность проникнуть в тайны основания мира. Что же мы, как твари, должны понять? – свою априорную ограниченность? Чем Бог рискует, раскрывая нам свой этический замысел? Если мы твари, у Бога нет собеседника, и Ему некого любить. Нет, мы дети Его.

Замечание 4

О времени см. 8.6.3, о времени идеального мира см. 10.5.5.

1.2.6. Бог и всемогущество

Люди когда-то верили, что Солнце и звезды вращаются вокруг Земли. Наука помогла избавиться от этого заблуждения. А вот вера во всемогущество Бога, как была, так и сохранилась во многих религиях (например, во всех так называемых авраамических). Отказ от нее для некоторых равносителен отказу от веры в Бога. Полагаю, здесь скрывается главное “религиозное заблуждение”.

Дети, живя с родителями, получают и физические, и, в основном, моральные наказания. Однако любящие родители не оставят их в беде. Мы – дети Божьи, имеющие то или иное признание у Него, но, будь Он всемогущ, непременно пришел бы на помощь в беде. Реальные трагедии (типа Беслана, Холокоста, Катыни, Хиросимы и Нагасаки, голодомора и многие, многие другие – их не

счесть) укрепляют мысль о том, что Бог не всемогущ. Укрепляет эту мысль и Распятие Христа.

Конечно, мы лично бессмертны, наша жизнь на Земле – это малый эпизод, и странно требовать у Бога спасения в ситуации, когда смерть является неизбежным итогом земного существования каждого из нас. Но есть большая разница между смертью старца, окруженного заботой родных и докторов, и смертью подростка в газовой камере. Одно из двух: или Бог – это Любовь и Он не всемогущ, или Бог всемогущ, но любовь Его непонятна. Нам не понятно, как может Всеблагий миллионы невинных мучить, расстреливать, убивать в бедствиях, эпидемиях, газовых камерах.

Если Бог всемогущ, то божье милосердие должно воспрепятствовать насилию. Т. е. принцип свободы для всемогущего входит в противоречие с его милосердием. Человек обладает некоторой свободой, но она не “намеренно” сотворенная. Само наше рождение проистекает не от могущества, а от Любви. Божье могущество заключено в Его любви. Но любовь не попустительствует злу. Почему же в мире есть зло? Наверно, Бог любит всех, но – не все наши деяния. Бог мог любить Чикатило, но вряд ли Он одобрил убийства мальчиков и девочек. Для того, чтобы пресечь эти убийства, Богу “не хватило могущества любви?”

В целом, я полагаю логичным варианты этической теории, в которой Бог не всемогущ, хотя ни одно злодеяние не остается безнаказанным, но Божье наказание не порождает физическое мученье, Божье наказание, прежде всего, – духовное (см. главу 6. “Суд”).

Для меня слеза ребенка реальнее и весомее идеи божьего всемогущества, а совместить одно с другим невозможно (см. также 6.1.9. “Чудо и абсурд”, 7.3.9 “Итог”).

Замечание

В христианской религии центральным эпизодом священной истории является распятие Христа. Покинутый учениками, осмеянный, Он в страшных мучениях “возопил громким голосом: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил” (Матф.27:46, Мар.15:34). Но если для Христа деяние Бога оказалось мучительной тайной, то для подростка, ведомого на смерть, – тем более.

Однако, еще раньше в разговоре с Никодимом, Иисус сказал: (Иоан.3:16) “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.” Т. е. Он знал, для чего Бог Его оставил, и вероятно, Его обращение к Богу на кресте было вызвано невыносимой болью и страданием. И можно думать, что для Бога это было последнее средство, что будь Он всемогущ, Он нашел бы иной способ достучаться до совести людской.

А еще раньше, в пустыне, Иисус не принял предложение искушителя обрести власть над всеми царствами вселенной (Лук.4:6). Он не хотел всемогущества.

1.3. Бог и материя

Важнейшим разделом концепции трактата является отношение Абсолюта к материи. Конечно, истоком всего в мире является Абсолют. Но нас интересует не то, “из чего сделана” материя, а то, кем и как она произведена. Раб может воспользоваться золотом хозяина, но он его мог и украсть. Материя – след неуместного деяния тварного разума (всей популяции разума), результат незаконного использования той жизненной “праны”, которая была дарована Абсолютом для возвышенной духовной цели.

Мысль о том, что вся наблюдаемая материя создана совместными усилиями обычного разума, кажется чудовищно фантастичной. Однако ее отрицание является величайшим заблуждением почти всех религий мира. В трактате подробно описан механизм порождения материи, но сейчас меня интересует нравственная сторона проблемы. Я полагаю, что нет оснований и веских причин предполагать, что материю создал непосредственно Абсолют. Поскольку эта проблема многоаспектная, я решил изложить ее в форме диалога.

1.3.1. Жизнь за счет жизни

Человеку свойственно обожествлять все, что ему нравится. Ему нравится, порой, и вино, и курево, и секс, и упоение властью, и многое, многое другое. Ему вообще нравится житие во плоти.

Собеседник: Итак, что же Бог сотворил?

Автор: Он сотворил Нравственный Закон и Разум и наделил Собой Разум.

С: И все?

А: Этого достаточно. Вселенная образовалась как вселенная разума. Все остальное возникает через разум, действующий от себя и от Него. Все остальное – трагедия самости и победа добра. Мир велик, но не весь прекрасен, а с Богом – только прекрасное. Говоря об отношении Бога к материи, я подчеркиваю неучастие Бога в непосредственном ее созидании. Наблюдаемая материя – результат падения тварного разума мира, но все ее процессы протекают на “теле” Абсолюта.

С: Говорят, материю Бог сотворил для того, чтобы человек, со временем, облагородил ее в гармонии с духом.

А: Т. е. Бог, создавая мир, как бы не завершил, не достроил его, оставив работу человеку. Похоже на то, как, если бы, прежде чем родить дитя, Отец заготовил игрушки, чтобы дитя могло позабавиться.

С: Существование грандиозной вселенной галактик и метagalactic объясняют антропным принципом: Вся вселенная есть предпосылка возникновения земных условий для существования человека в его плоти.

А: Мы же надеемся, что идеальное воплощение разума в веществе, которое в перспективе ожидает мир, является также устойчивым состоянием вселенной. Почему Бог не сотворил его сразу повсеместно? Неужели, из опасения, что человеку ничего не останется для работы?

С: Да нет, Бог так и создал, – именно идеальное воплощение. И весь мир был для Разума. Бог вначале создал материю, развел в ней живность и подготовил приход человека – носителя нравственности.

А: Но живность сразу стала поедать живность (обычные органические превращения); выходит, Бог подготовил мир борьбы и мучений, где нравственность человека сразу подверглась тяжкому испытанию.

С: Может быть, Бог сотворил материю как среду общения, как условие, необходимое для реализации творчества и свободы? О какой свободе, о каком нравственном выборе может идти речь, если нет материи для реализации выбора?

А: Греховными могут быть любые действия. Ты же утверждаешь, что действия вообще могут быть только материальными.

С: Всякое переживание, всякая мысль должны иметь материальное "сопровождение".

А: Полагаю, что сознание первично, следовательно, и сознательное действие первично, а значит, оно может быть греховным без "сопровождения".

С: Мы привыкли к мысли о Божьем творении всего.

А: Нас подавляет грандиозность мира. Но разве Бог в количестве? Да нет же. Он куда более величественен. Он в Любви, а Любовь и Гнозис не видны, но они в сердце мира. Материя – атрибут богатства, а Бог нищ. Материя – след греха, а Бог чист. Материя – это прах, а Божье – Разум. Вся материя вселенной конечна, а личность бесконечна.

С: Через творение Бог Себя проявил, без мира нет Его, хотя Он и вне мира. Самопроявление было сутью акта творения.

А: Творение разума – вот самопроявление. Нравственный закон был главным, следовательно, и первоочередным деянием. А вне разума он не имеет жизни.

С: Материя, вероятно, создана на благо разуму, но разум должен пользоваться ею умеренно, осторожно, не покоряясь вещизму и соблазну обогащения.

А: Что же это за благо, если им нужно пользоваться умеренно, дозировано? Разве мы ограничены в любви и добре? А ведь стоит нам поддаваться искушению

материи, как сразу попадаем в цепкие объятия дьявола. Телесно мы связаны с этим миром, где в каждой точке радость рождения и раскрытия сочетается с тоской увядания и смерти. Красота материи – красота вожденная и угрожающая.

С: Есть и такое утверждение: Бог в качестве первичного свойства мира положил желание наслаждаться и, управляя этим желанием, Он управляет миром.

А: Дух не имеет желания. Дух уникален, ответственен, действенен. Если целью жизни духа является наслаждение от своей ответственности, то это просто означает, что целью является ответственность. Слово “наслаждение” оказывается лишним.

С: По-твоему, Бог создал бестелесные личности. Неужели Он хотел создать идеальный мир бестелесных существ?

А: Далее будет рассказано о Ресурсной плоти. Такова плоть этих существ. Но если говорить о материальном теле, то да, именно так. Он желает только идеального.

С: Слышал такое: Людям дано было шесть тысяч лет самим управлять миром с тем, чтобы убедить их в невозможности жить независимо от Бога. Лишь колоссальные жертвы заставят вернуться к Богу.

А: Это похоже на то, как кто-то лишает малыша пищи, чтобы убедить его в невозможности жить без родителя. И вообще, странная логика: Многие поколения людей принесены в жертву ради урока нынешним. Чем одни хуже других? Кроме того, тут признается факт неучастия Бога в делах мира.

С: Некоторые говорят: “Если тварная личность избрала зло, оно уже было в сотворенном мире”.

А: Зло – не объект, а действие. Объекта “зло” в тварной вселенной не было, а потенция злого действия – атрибут истинной свободы личностей. Мир возможен, как симметрия противоположных начал, но для реального существования мира эта противоположность должна оставаться лишь во внутренней потенции, над которой царит согласованность и благожелательность. Абсолют поместил разум в пространство, где много дорог, но лишь по одной из них личность может

следовать за Ним, и ей дано право это решать.

С: Почему намеренность трактуется как предательство? Ведь Бог благ и дал нам свободу?

А: Свобода может считаться данной (дарованной), если есть возможность ее отнять. Однако Благодать “не может” отнимать, поэтому отпадение от Нее – это предательство. Зло – есть предательство Благодати и любви.

С: Абсолют берет на себя грехи мира; почему бы ни сотворить и косность, прибавив ее к числу “грехов” Своих?

А: Потому что косное суть объект, и творение косного – нечто чрезмерное, не свойственное Богу, тому Богу, который нам понятен. Все объясняется и без того.

С: Еще говорят: “Материя была иной, но она изменилась с падением Адама”.

А: Физика не знает иного состояния материи.

С: Твой подход прост: ты у Абсолюта “отнял” Материю, оставив Его наедине с Идеальным.

А: Именно так. В этом и заключается мировоззрение этического максимализма. Всякая идеализация материального есть фальшь, заводящая в тупик противоречий и досады неудовлетворенности. Правда не сложна, сложны заблуждения.

С: Наверное, я нашел не все аргументы, другие оппоненты приведут более убедительные доводы возражения.

А: Усложненные представления о замысле Творца обусловлены попыткой шестодневом объяснить возникновение вселенной. Священная Книга продиктована Богом, но писали ее люди, имевшие свои понятия о мире и звездах. Ценность ее не в букве, а в духе.

С: Лучше вообще не задумываться о замысле Творца; не нашего ума это дело.

А: Смотря, какая вера. Этическая логика ставит человека в центр вселенной. Если Бог материю не творил, а мы говорим, “творил”, представь себе, насколько это оскорбительно для Него.

С: А если, действительно, творил? Разве не трагично непонимание Его Замысла?

А: Да, мы рискуем ошибиться в обоих случаях, но лучше недооценить масштаб Его созидания, чем приписать Ему авторство мерзости. Мысли, теории, убеждения должны быть совершенными, этически безупречными. Бог ничего не скрывает, Он объясняет намерения, следовательно, Он открыт в понимании. Но лишь достоинство обретает истину. Смысл творения – это смысл нашего существования. Судит Бог, но и наш земной суд совершенствует свое слово.

Я не верю, что наблюдаемый нами материальный мир сотворен Богом. Но материя не первична. О том, как она возникла, рассказано в книге.

Я верю в Начало типа “Мировой Ресурс”, “Дао” (см. 5.1.4. “Дао и Любовь”), “Абсолют” и смею полагать: (1) Оно является телом-Ресурсом всех процессов. (2) Оно является сочетанием Любви и Гнозиса. (3) Оно обрело сингулярные атомарные состояния бесконечного Ресурса. (4) Эти состояния породили формы, обладающие свойствами личностей. (5) Всякой личности дано сознание, и всякое сознание пребывает в личности (исключение – Абсолют, чье сознание вне личности).

Любовь может трансформироваться в волю, гнозис – в конечную сложность (рацио). Мы не говорим: “любовь и гнозис обладают волей и сложностью”; нет, мы говорим: “воля и идеи образуются в результате разделения любви и гнозиса”. Когда мы упоминаем бесконечность, то имеем в виду неограниченную потенцию роста сложности деяний личностей. Только в таком смысле можно говорить о бесконечной сложности Гнозиса и Любви. Любовь и Гнозис – это плоть и кровь Абсолюта.

Термин “Ресурс” выбран не случайно: Личности суть ответственные Носители Мирового Ресурса. Ответственность есть Нравственность. Мировой Ресурс сосредоточен в сознании. Материя являет собой ничтожную долю Ресурса, хотя демонстрирует себя ярко. Можно ли Мировой Ресурс назвать материей? Словом “материя” можно обозначить все, что угодно, но важно сохранить известный нам смысл, отражающий косность части мироздания, поведение которой

подчиняется открытым и еще неоткрытым законам физики. Про Мировой Ресурс мы можем лишь сказать, что это активно функционирующая бесконечная сложность сознания. Если материализм утверждает, что сознание – высшая форма материи, тут не о чем спорить. Он просто Мировой Ресурс включает в понятие “материя”. Но нужно тогда обязательно добавить, что такая “материя” изначально существует в форме сознания. Более конструктивно иерархия Мирового Ресурса изложена в разделе 8.2. “Ресурс” второй части книги.

Я попытался найти ассоциации своих взглядов с некоторыми известными видами мировоззрений, и вынужден констатировать следующее:

- Мое мировоззрение не является материалистическим, хотя я оперирую понятием “Мировой Ресурс” как субстанциональным фундаментом Мироздания. Однако этот Ресурс бесконечно сложен и проявляет себя в форме Абсолюта и порождаемого Им (“из Себя”) конечного множества личностей, т. е. в форме Сознания. Таким образом, Сознание – основная и вечная форма существования Ресурса. Материя является особой (не основной) формой проявления Ресурса. Материя имеет конечную сложность.

- Мое мировоззрение не является в чистом виде идеалистическим, хотя Абсолют – Творец мира Разума (всех остальных личностей). Но именно Мировой Ресурс есть бесконечная сложность и Исток всего (и Самого Абсолюта), а Сознание – есть оптимальная форма Его самоорганизации. Первичность мировых идей, я полагаю, имеет место лишь в сфере нравственного поведения индивидов – это первичность мировых смыслов. В остальных (не духовных, материальных) сферах авторами идей являются сами индивиды, но эти идеи возникают на основе идей поведения (см. главу “Смысл”).

- Оно (мировоззрение) не является пантеистическим, хотя Абсолют сопричастен в каждой личности в сфере нетварной стихии сложности. Однако Абсолют не участвует в процессах преобразования материи даже трансцендентно, ибо материя явилась результатом падения личностей.

- Оно не относится и к деизму, хотя Абсолют отсутствует в материальных превращениях. Но Он выступает перед остальным разумом как Родитель, Учитель и Судья.

- В отличие от гностиков, я исключаю существование Демиурга (8.2.1) и ищу конструктивное объяснение происхождения материи мира.
- Знатоки и любители теософии заметят, что некоторые темы здесь изложены не так, как в теософии. У меня не было намерения противоречить или соответствовать их “науке”. Это совсем другая доктрина с другим основанием и дискурсивным аппаратом. На какие-то вопросы пытается подробнее ответить теософия. Например, структуры тела теософия рассматривает более детально под углом зрения раскрытия феномена человека. Здесь же (в трактате) обращено внимание на этические процессы в Мировом Ресурсе, на их роль в генезисе мира.
- Более содержательно мое мировоззрение раскрывается в главах метафизики живого универсума.

Однако в излагаемой доктрине есть элементы всех указанных мировоззрений. Идеализм мне ближе всего (в сочетании с рационализмом).

В целом, суть доктрины такова: Сознание первично, но в глубинах его произошло драматическое событие, условно называемое “падением”, повлекшее за собой возникновение относительно самостоятельного феномена – материи. Материя – это след падения, а не продукт Разумного Замысла. Незаконно рожденное дитя обрело ту свободу, которую видит материализм. Абсолют не проявляет Себя в материи, но только – в духовной жизни разума. В появлении вещества нашего мира “повинно” неуместное поведение разума так называемого “уровня микролей”, об этом будет рассказано во второй части трактата.

Мне самому не очень ясен жанр трактата. Помимо общих рассуждений здесь довольно много конкретного. Называя свой трактат религиозной доктриной, я подчеркиваю характер материала, а не значимость содержания. Я полагаю, человек свободен в выборе веры, и единственный императив его таков: В основе любого действия должно пребывать желание добра людям. В своей метафизике я ищу правдоподобную модель мира, объясняющую генезис материи. Если следовать логике трактата, идеологические противоречия между наукой и религией полностью устранимы без привлечения идей креационизма.

1.3.3. Об этике в трактате

Определение этики, как учения о морали и нравственности оставляет широкий диапазон в выборе вопросов и тем, которые мы вправе включить в это понятие. Такое включение не является общепризнанным. Некоторые считают, например, что этика охватывает лишь проблемы позитивного смысла – правильное поведение, исполнение заповедей, добродетель и т. д. В связи с этим, я вспомнил, как моя маленькая дочь, услышав, что на улице 5 градусов холода, спросила меня: “а сколько тепла?” Она еще четко не осознавала, что тепло и холод сущности одной природы. Так и в этике – позитивное невозможно оторвать от негативного, ибо их противопоставление является внутренней пружиной возникновения и движения основных мировых начал. Я утверждаю: в этике и только в ней скрыты причины появления материального мира. Любовь, смыслы, нравственный закон, отступление, падение, раскаяние, суд, наказание – в общем, факторы, присутствующие в феномене материализации. Их невозможно объединить никаким иным понятием, кроме как “этика мира”.

Этика – базовая сущность мироздания и потому должна стать основой предмета науки. Не физика, не биология, не математика, не другие знания будут фундаментальными дисциплинами, описывающими мироустройство, а именно этика. Но поскольку этика есть основа поведения живых монад, то сказанное означает, что мир – это живой универсум. Все попытки придать этике характер фундаментального начала без принятия концепции живого универсума обречены на неудачу. Концепция живого универсума продуктивна лишь при условии принятия гипотезы бесконечной (в математическом смысле) сложности универсума. Эта гипотеза дает объяснение процессам воспроизводства живых монад такой же (бесконечной) сложности. Она исключает редукцию мировой сложности к конечному набору простейших форм.

О том, каким образом наука может развиваться, опираясь на этику, рассказано в данной книге.

1.3.4. О бесконечности в трактате

Напомню известный математический факт: из любого бесконечного счетного множества можно вычленить конечное число бесконечных счетных множеств. И наоборот, объединение произвольного конечного числа бесконечных счетных множеств есть бесконечное счетное множество.

В трактате понятие бесконечности используется при оценке алгоритмической сложности, которая определяется как количество символов текста-описания процесса созидания объекта. Бесконечная сложность есть предел возрастания конечной сложности. Реально процесс созидания завершается актом отделения (вычленения) сложности. Сложность творца порождает сложность творения. Из сказанного следует, что объект бесконечной сложности, отделяя от себя в процессе творения бесконечную сложность, создает второй объект бесконечной сложности. (В творении отделяется не только сложность, но и энергия любви.)

Трактат построен на основе гипотезы об априорной бесконечной сложности мира. Сознание обладает бесконечной сложностью. Подробнее см. раздел 8.2 “Ресурс”.

1.3.5. Заключение

В мировоззрении, признающем существование Бога, но отрицающем Его всемогущество, есть некоторая уступка материализму. И в главном – в объяснении материальных превращений – оно не противоречит науке. Но оно остается верным принципу первичности мирового сознания.

Отказ от веры во всемогущество столь же радикален, как уход от поклонения идолам. Можно сказать “всемогущество” – это второй идол, который пора отвергнуть, чтобы осознать реальность.

Глава 2

Процесс познания

2.1.1. Введение

Бытие определяет сознание – это факт. Но факт, констатирующий положение дел в мире земного разума, а не факт истины мира. Действительно, большинство озабочено материальными проблемами и ведет себя как материалисты. Однако большинство не право. Так же можно сказать: “Целью человека на Земле является эволюция сознания, разума, форм”. И это будет верной констатацией наблюдаемого факта развития. Но настоящей целью Человека является эволюция духовная. Может быть, на Земле она и влечет (хотя не очевидно) другие виды эволюции, но надо в первую очередь нам выделить то, что первостепенно важно. Под этим углом зрения рассматривается роль и структура Познания.

2.1.2. Невыразимое

Главное разделение людей мы обнаруживаем в слове. Формулировка законов закрепляет в нашем сознании инварианты одних свойств за счет изменчивости других (так, неизменность скорости света связывается с вариацией расстояния и длительности при смене системы наблюдения). Постоянство одного за счет изменчивости другого – это непреодолимый барьер, не оставляющий нам надежды на примирение в словах, правилах, концепциях.

После известных работ Геделя, посвященных основаниям арифметики, мы поняли, что говорить о полноте систем аксиом бессмысленно. В теории можно сформулировать такие утверждения, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Но это относится к строгим рациональным системам. Что касается метафизических, они оперируют невыразимыми категориями. Примером может служить концепция единого нравственного критерия, которая обустроена двумя, казалось бы, противоречивыми тезисами: (1) критерий известен каждому, (2) он неформулируем (для всех одинаково). Первое утверждает существование критерия, второе – конструктивную неполноту всякого этического учения. Однако, неполнота здесь формальная, а не сущностная. Ибо учение апеллирует не только к разуму, но и к тому невыразимому нечто, которое есть у всех. И в этом оно внутренне логично.

Слова нужны не только для формулируемого знания, но и для озвучивания неформулируемого. Но, если в первом случае они привлекаются на службу рации, то во втором – для образования среды узнавания, для ассоциативного сопереживания. Точное знание имеет формулу воспроизведения: “если сделаешь то-то, получишь то-то”. И это воспроизведение, в принципе, можно поручить роботу. Собственно, таково определение формулируемого. Неформулируемое знание можно именовать, но невозможно выразить алгоритмически.

2.1.3. Адамово падение в науке

До школы Галилея главным занятием естественной науки считалось объяснение явлений. Шел позитивный процесс отката от демонических представлений древности и средневековья. Галилей осуществил революцию. Он утвердил описательные знания природы, где математика стала источником фундаментальных понятий. Напомню известный пример с падающим телом. Средневековый ученый пытался найти причину падения. Вместо этого Галилей сформулировал закон движения в виде $s = 4,9t^2$, где s – расстояние, которое в свободном падении объект пролетает за время t . Не важна причина, важно описание движения. Внимание исследователя перенеслось с вопроса “почему?” на вопрос “сколько?”. Это, с одной стороны, прямо отвечало потребностям практики, с другой – нашло обоснование в том, что Бог искусный математик, и познание количественной стороны поведения мира – есть своеобразное служение Богу. На деле получилось наоборот. Мощный прорыв науки позволил человеку достичь выдающихся успехов в сфере умения, но ответы на вопрос “сколько?” никак не возвысили нас духовно. Произошло парадоксальное и трагическое упрощение (“адамово падение” в науке) – умение стало свидетельством знания, оно стало трактоваться как знание.

Отказ от объяснения первопричин мироустройства позволил проигнорировать в научном методе проблему мировой этики. Эта стерилизация в технократическом общественном сознании открыла широкий путь к избавлению от этики вообще и к стерилизации самого мировоззрения. Смелость в сочетании с утратой информированности явила, в итоге, безответственность.

Фактически, я пытаюсь вернуться к догалилеевским временам. Это никогда не вредно, но у меня есть особая причина: тема генезиса материи позволяет осуществить прикосновение к тайне ответа на вопрос “почему?”. По-человечески, этот вопрос важнее вопроса “сколько?”, ибо, сколько бы ни было в материи полезного, собственно духовное от него не зависит. А если зависит, то не в лучшую сторону

В соответствии с характером научного “продукта”, историю науки я условно делю на 4 периода:

1. Детство: Стремление, прежде всего, объяснить мир.
2. Юность: Стремление объяснить и найти количественные характеристики явлений.
3. Зрелость: Отказ от объяснения, как необходимого компонента научного результата. Главным становится математическое моделирование, создание алгоритмов производственной деятельности. Начало роботизации производства.
4. Старость: Отказ от рутины моделирования и алгоритмизации. Здесь важен переход от рациональных к этическим объяснениям, когда рациональное исчерпает себя, и человек вынужден серьезно обратиться к этическим первопричинам мира. Вся деятельность в сфере умения переходит к роботам. Наука срастается с искусством и религией, теряет самостоятельный статус. Стремление к объяснению диктуется не производственной, а духовной потребностью.

В попытке ответить на вопрос “Что такое наука?”, мы, к сожалению, забываем об историчности ее задач. Цикл жизни науки связан с эволюцией основной области интересов человека. По сути, полем деятельности науки является лишь материальная, природная область, с уходом которой с авансцены, уходит сама наука. Итак, в науке меня занимают, прежде всего, объяснения, причем, согласованные с этической логикой.

Путь познания материи сопряжен с разгадыванием головоломок, возникших в ажурном сплетении простейших идей, которые сами по себе никакой тайны не представляют. Здесь нет высокой априорной сложности, но есть познавательная – нужно распутать клубок. Основная трудность в доступе к объекту. Наука

развивается от места, времени и размера человеческой плоти. И сложность познания концентрируется не в предметах, а в средствах воспроизведения. Такой проблемы в метафизике нет. Личность ближнего всегда доступна, она поистине бесконечно сложна.

2.1.4. О математике

Знаки и числа – косная субстанция. Абстракция не может быть истинной или неистинной. Истина – это сущность живая и конкретная. Если бы существовала словесная формулировка истины, то человеческий суд не отличался бы от Суда Бога. Но этого нет. Значит, говорить об истинности математики не корректно. В чем же сила и тайна ее?

Математика – это наука, обслуживающая другие науки. Математика пользуется понятиями, которые по возможности не привязаны к конкретным вещам. Чем более постны ее аксиомы, тем успешнее и обширнее область применения. Она порождает собственный мир и героев – “куклы”, наряженные знаками, обозначениями, символами.

И эти куклы конкретны. Получается зигзаг – уйдя от конкретного в абстракции, мы обрели новую конкретность. Но в отличие от старой, обыденной, новая как бы изъята из жизни. С ней не связаны переживания справедливости, добра, зла – это предмет этики. Математика и этика – “космические” дисциплины, их утверждения не зависят от мира обитания (10.1). Математика концентрирует в себе рациональные идеи, этика – этические (см. 10.3.19).

Постижение идей происходит в сопереживании. Переживание наше обретает характер положительный или отрицательный, в зависимости от того, согласны мы или не согласны с действиями героев наблюдаемой драмы. То, с чем мы согласны, становится для нас правдивым. Почему же, глядя на математические куклы, мы переживаем одно и то же? Почему мы все одинаково сочувствуем (или не сочувствуем) куклам? Ответ уже известен: Потому что мы опираемся на универсальные смыслы. Если бы не они, мы бы друг друга вообще не понимали.

Однако наличие общего критерия вовсе не означает осуществление выбора истины общественным сознанием. У каждого из нас есть компас, но мы дружно

перемещаемся не по стрелке, куда-то в сторону. Этому тьма примеров. Самый простой – идеологии. Мы вживаемся в одно и то же отклонение, и массовый психоз поддерживает чувство кажущейся правды. Мы равны в своем отходе, что и способствует взаимопониманию. Существует много несовместимых математик – логицизм (Б. Рассел и др.), интуиционизм (Л. Брауэр и др.), формализм (Гильберт и др.), теоретико-множественное направление (Э. Цермело и др.). Это как раз и говорит о том или ином отклонении, как причине, без которой математики, казалось бы, вообще не было бы, потому что стержень трансцендентен, формулировке не подвластен. Оставаясь центральным связующим звеном взаимопонимания, он пребывает в стороне от понятийных систем, порожденных разумом. Получается, что даже в такой идеальной системе знаний проявляется падение разума, защищенное инертностью гиперболизированных идей. Поистине мир наш дискомфортен.

В математической логике центральное место занимает дедукция. Например: из того, что все люди смертны и Сократ человек, следует, что Сократ смертен. Но проблема не в дедукции, а в ее применимости. Когда мы произносим “все”, то имеем в виду некоторое допущение, реальность которого нас не интересует. Это просто исходная посылка, и если в действительности она ложна, математика как бы ни при чем. Однако представим себе, что формальная посылка никогда и нигде во вселенной не реализована. Соответствующая математика оказывается ненужной, и более того, неверной! Ибо логика глубинным образом связана с реальностью.

Разум способен плодить пустышки. В наше время основания математики сильно пошатнулись. В этом можно убедиться, прочитав книгу М. Клайна “Математика. Утрата определенности”. На странице 359 ее мы читаем: “...математики поняли, что основы логики – такие же продукты человеческого опыта, как и аксиомы евклидовой геометрии”. И далее (стр.363): “Доказательство, абсолютная строгость и тому подобные понятия – блуждающие химеры... Строгого определения строгости не существует. Доказательство считается приемлемым, если оно получает одобрение ведущих специалистов своего времени или строится на принципах, которые модно использовать в данный момент”. Становится очевидным, что не существует такого феномена, как универсальная формальная логика, следовательно, сами основы научного метода являются предметом веры. Все, как в жизни!

Чем тогда объясняется тайна эффективности математики? Почему наша математика так хорошо описывает поведение материального мира? Ответ

станет очевидным после изучения главы “Смысл”. Суть такова: Математика – это язык комментирования мировых смыслов. Смыслы же: (1) универсальны, (2) передаются только в комментариях, (3) и потому точно не воспроизводимы. Из последнего пункта следует неполнота отражения смысла в любых комментариях, что объясняет все расхождения вообще, и множественность математик, в том числе (8.6.16. “Законы материального мира” раздела 8.6. “Место”).

Замечание 1

Математические идеи имеют вселенскую (“космическую”) ценность, но порождаются не Абсолютом, а обычным (“тварным”) разумом.

Замечание 2

Ранее (1.1.2) я говорил, что этическая логика – это логика выбора. Однако выбор математических постулатов не имеет отношения к этике. Этика оживает в процессе выбора (раздела) математики в качестве модели явления. Математический инструментарий привлекателен и эффективен, но пользоваться им надо осторожно, не поддаваясь его гипнозу (См. подраздел 8.1.3. “Математика и физика”).

Замечание 3

Есть причина, по которой я не пользуюсь математикой в трактате: Не хочу зашифровывать смыслы. Чаще всего и не могу, так как это чревато сменой области переживаний. Мне порой кажется, что чрезмерный формализм – завуалированная демагогия. Если итог математических спекуляций (в сфере метафизики) нельзя выразить простыми словами, он не нужен, а если можно, – скорее всего и так очевиден. Математика убеждает лишь математика. Ее символы стремятся стать героями собственной интриги, уводящей в дебри холодной логики рассудка. Человеческая интуиция не всегда может доверять математике. Например, такое фундаментальное и, казалось бы, простое математическое определение, как линия, претерпело изменения от Евклида до

Жордана и Кантора. И все равно это не спасает нас от парадоксов типа “кривая, проходящая через все точки квадрата” или “линия, имеющая ненулевую площадь”. Математика выступает в роли робота, который делает лишь то, что в него заложишь, и про который, порой, говорят “машина-дура”. Куда важнее – смыслы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chivorepla_lev/obrazy-sushego-doktrina-eticheskogo-maksimalizma-metafizika-zhivogo-universuma

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)